

Леониду Леонтьевичу Кокоулину, нашему постоянному автору, исполняется 85 лет.

Родившийся в Красноярском крае в 1926 году, он в отрочестве и юности был землепашцем и охотником, в годы войны красноармейцем, после войны строителем многих знаменитых сибирских гидроэлектростанций, а во второй половине XX века и по настоящее время его призванием стала история Сибири, описанная в повестях и романах талантливой рукой прозаика.

Друг и соратник Кокоулина по сибирским стройкам Илья Константинович Комаров с радостью предоставил журналу свои воспоминания о встречах с ним.

ИЛЬЯ КОМАРОВ

МОЙ СТАРИННЫЙ ДРУГ

Впервые с Леонидом Леонтьевичем мне пришлось встретиться в посёлке Манзурка, лежащем на Качугском тракте на полпути между Иркутском и нынешним городом Качуг, бывшим старинным посёлком, известным тем, что его жители рубили из брёвен мощные карбазы – подобия тяжёлых лодок, поднимающих до 10 тонн груза каждая, и сплавляли их вниз по Лене, вплоть до Ледовитого океана, обеспечивая северный завод.

В Манзурке находится прорабский строительный участок гидростроителей Иркутской ГЭС. Они возводили здесь машинно-тракторную станцию, тогда широко признанный центр деревенской механизации. В соответствии с решением съезда партии о подъёме сельского хозяйства каждой стройке поручалось в своей зоне построить капитальные здания МТС.

Прораба Ивана Новохатько я хорошо знал, он моему приезду обрадовался и начал уговаривать меня остаться на ночь. Подошёл ещё какой-то строитель с красивой чёрной цыганской бородой и стал так активно поддерживать Новохатько, что неудобно было отговариваться. Строитель с бородой оказался известным специалистом-монтажником и рабочим корреспондентом Леонидом Кокоулиным. Была суббота, в те годы суббота – рабочий день. Но Лёня куда-то скрылся, а через пару часов появился и пригласил нас на уху. Он оказался неутомимым рассказчиком, умелым рыбаком и прекрасно знал секреты строительства в условиях вечной мерзлоты, с особенностями которой мы впервые тогда сталкивались, знал особенности сварочных работ при низких температурах, когда отметка термометра опускалась далеко ниже 30°C. Так за ухой и разговорами пролетела ночь.

Вторая встреча с Кокоулиным состоялась спустя два года, когда меня снова направили строить МТС в верховья реки Лены.

Были возведены основные здания, котельная, все теплотрассы и другие инженерные коммуникации. Надо было установить дымовую трубу для котель-

ной. Сейчас это можно сделать за пару часов. Подогнал кран, поднял и ставь её на подготовленное основание. В тех же условиях в нашем распоряжении вообще никаких кранов не было. Тем более кранов высокой грузоподъёмности, способных поднять двадцатиметровую металлическую трубу метрового диаметра.

Приехала бригада монтажников – специалистов по подъёму таких труб. Подъём они решили провести методом падающей стрелы.

Но мощной лебёдки у нас тоже не было. Поэтому прикрепили натяжной конец к трактору. Трактор малосильный – ДТ-54, я засомневался, сумеет ли поднять трубу одним трактором. Бригадир заверил: “Сумеет”.

На схеме всё понятно. Каждый занимает своё место. Дается команда трактористу. Трактор начинает медленно передвигаться. Трос натягивается, конец трубы медленно отрывается от земли.

Вроде всё идёт по плану. Труба, как и положено, одним концом ещё упирается в землю. Ещё одно усилие, но мотор завывает, его мощности не хватает. Тракторист переключает скорость, колёса на миг останавливаются, труба стремительно опускается, таща за собой трактор, как пустую коробку.

Все попытки поднять трубу успехом не увенчались. На трубе образовалась вмятина, выправить её нельзя. Надо вырезать звено с вмятиной, сваривать трубу заново, а верх наращивать. Клянусь на чём свет горит монтажников. Пишу записку Кокоулину, который в это время находился в Верхоленске. Прошу, чтобы тот приехал на помощь.

Лёня приехал через пару дней. Ещё два дня ушло на то, чтобы восстановить трубу, вырезать повреждённое звено, сформовать его по лекалу, установить на место, и вновь монтаж. На этот раз уже под руководством Кокоулина.

Следующая встреча с Кокоулиным состоялась несколько лет спустя, когда я после пуска первых агрегатов на Иркутской ГЭС отправился на учёбу в МИСИ. После первого курса поехал в посёлок Мухтуя – тогда небольшой Ленский порт, вокруг которого развёртывалась перевалочная база строителей будущей Виллюйской ГЭС. Ныне это город Ленск.

Меня зачислили начальником участка, который возводил сразу десяток объектов. А главное – вызвали причалы для приёма мощных энергопоездов, для снабжения посёлка электроэнергией.

Кокоулин появился, когда шла перегрузка вагонов энергопоездов и барж на построенный причал. Сразу нашёл кучу огрехов, костерил нас на чём свет стоит. Но когда перегрузка была более-менее завершена, пришёл навесить меня.

– Так ты где сейчас работаешь-то?

– Ты что, забыл, как после пуска первого агрегата в 1957 году меня направили учиться в Москву?

– Да, подзабыл. Всё думаю, где Илья. Здесь, на Виллюе, о тебе не слышно, подумал, что, наверное, уехал на Красноярскую.

– Да нет, учусь в Москве. Вот закончил первый курс, приехал подзаработать.

– А как стипендия-то?

– Ну, какая там стипендия – 180 рублей в месяц.

– Да ты что, паря, на неё разве проживёшь?

– Ну, как видишь, я и подрабатываю, чтобы прожить.

– Нет, Илья, так не годится. Давай договоримся, пока ты учишься, я тебе буду посылать по 500 рублей в месяц. Ты же видишь, здесь мне всё равно их некуда тратить, все на магарыч уйдут. – Я его от души поблагодарил, но от дополнительной стипендии твёрдо отказался.

Много легенд ходило о Лёне, когда он строил Виллюйскую ГЭС и был начальником монтажного участка, а по совместительству и. о. редактора районной газеты, пока настоящий редактор был в отпуске, а неиспользованных отпусков у него накопилось более года. Правда, с газеты Кокоулина через полгода с выговором сняли, однако за время его правления популярность газеты среди местных жителей достигла небывалой высоты. И позже, вспоминая тот или иной номер газеты, мы чуть ли не наизусть цитировали опубликованные заметки с собрания колхозников, его беседы с читателями и другие материалы Кокоулина, которые он приводил без всякой правки. Как собеседник отвечал, в таком виде Лёня и излагал речь, ни капельки её не редактируя. Все якуты говорили на русском языке, а мысли строили по-якутски.

Когда Кокоулину пробовали разъяснить, что нельзя такой разговорный язык запускать в официальной печати, он не соглашался: “Вы не понимаете сути происходящего. Люди хотят говорить и говорят по-русски в том виде, в каком умеют. Очень важно, чтобы газета отражала все эти отклики. Тогда народ Якутии быстрее придёт к своему литературному языку, и это будет особый язык, объединивший русские и якутские слова, хорошо понятные самим собеседникам, лучше выражающие их мысли, чем казённый перевод”.

В середине 70-х годов открывали памятник знаменитому строителю сибирских ГЭС Андрею Ефимовичу Бочкину на Ваганьковском кладбище в Москве. На открытие приехали иркутяне, от которых я узнал, что Кокоулин живёт в Москве. Дали его телефон. По номеру вижу, что Лёня работает близко от моего места работы.

Звоню. С последней нашей встречи прошло почти 20 лет. Но отвечает голос знакомый. Говорю: “Лёня, здравствуй! Ты что делаешь в Москве?”

– А меня отправили учиться. Оказался самым старым студентом Литературного института. Окончил Литинститут. Написал один роман, Затем другой. Затем мне позвонил Георгий Мокеевич Марков – секретарь Союза писателей, пригласил к себе и, как я ни упирался, запряг меня в работу.

– Лёня, а ты где сидишь-то?

– Знаешь, где Госстрой СССР находится?

– Знаю.

– Так рядом с Госстроем стоит маленький двухэтажный домик, выходит фасадом на улицу Пушкина, как раз против Театра оперетты.

Так мы встретились с Кокоулиным снова через 20 лет.

К этому времени уже вышли его книги “Табак Хороший” о строителях города Мирного и добытчиках якутских алмазов, “Колымский котлован” – книга, удостоенная премии ВЦСПС и Союза писателей СССР за лучшее произведение о рабочем классе, романы “Сибирский посад”, “Пашня” и другие.

Запомнился мне роман “Огонь и воды”, посвящённый судьбе отслужившего армию солдата Ивана Ленцова, человека, сумевшего в борьбе с обстоятельствами преодолеть одиночество, безысходность и найти своё место в жизни.

О бродягах бичах, по разным причинам оказавшихся за бортом жизни, забытых и родными и обществом, в те времена много писалось на страницах газет. Сами себя одни называли тогда “бывший интеллигентный человек” (бич), другие “матросами, отставшими от корабля”. А среди них было много талантливых, смелых, честных.

Настоящее художественное открытие Кокоулина – это образ бывшего капитана Константина Антоновича по прозвищу Хрипатый, представленный в романе “Бичи”.

Прекрасно описаны во всех книгах Леонида Леонтьевича пейзажи Сибири. Они рисуют неповторимое лицо русской земли. В повести “Затески к домку своему” раскрывается великое умение русского человека жить в ладу с природой. Сын с отцом уходят в тайгу на зимний промысел. Сын исподволь перенимает от отца не только навыки трудной, но полной радости жизни в таинственной и неповторимой Прибайкальской тайге, но ещё и восприятие красоты природы. Раскрываются десятки удивительных в своей точности подробностей охотничьего быта. Западают в душу неторопливые разговоры отца и сына о корнях своего крестьянского рода, о смысле жизни. И возникают между отцом и сыном доверие и дружба, и ведут таёжные затески к домашнему очагу, к духовному единению.

Позднее в романах появляются нотки более глубокого осмысления социальной жизни сибиряков. В романе “Не плачьте, волки” описываются неисчислимыя беды, которые принёс человек в таёжные края, бездумно нарушая вековые устои природной среды, живёт предчувствие большей беды, которую предстоит пережить народу в результате абсурдной экономической перестройки, затеянной безграмотными экономистами новой волны.

В начале наступившего века вышла книга Кокоулина “Колымчане” – летопись строительства уникальной гидроэлектростанции в необычайно трудных природных условиях загадочной Колымы, вдали от магистральных дорог, в условиях нехватки баз стройиндустрии, жилья, источников электроэнергии, профессиональных кадров и массовой системы неурядиц, вызванных перестройкой.

В книгу включён пятистраничный эпизод “Сто часов подвига”.

“В ночь на шестое января 1973 года ртутный столбик упал в посёлке на пятьдесят пять, а на реке — все шестьдесят ниже нуля. На речке Анманнчан, обеспечивающей водой посёлок гидростроителей, около поселкового водозабора стояла и водозаборная будка с насосами для заправки водовозок. К этой насосной в тот день и перемело дорогу. Послали туда бульдозер. Старательный бульдозерист потрудился “на славу” — очистил не только проезд, но и пространство вокруг будки водозабора, то есть снял со льда снежный покров — “тёплое одеяло”, предохраняющее от промерзания речку. И шестидесятиградусный мороз выморозил её до дна. Посёлок остался без воды. Лишь в русле Колымы под толстым слоем снега была живая вода. Требовалось немедленно переключиться на забор воды отсюда — весь коллектив был брошен на борьбу за выживание.

Несколько часов — и врезка готова. Струя воды поднялась по трубопроводу. Ожили котельные. Но река за ночь изменила своё течение, как бы оставила своё русло, с левого берега ушла на правый, а мороз зашкаливал за шестьдесят. Магистраль без напора воды полностью сковало льдом. Один за другим потухли два котла. Оставшийся в живых котёл держался на голодном пайке водовозками. Отопительные радиаторы в домах трещали и лопались.

Силуэт посёлка в мутной непроглядной дымке, всего из одинокой трубы чёрный дым косо падает к земле и бурлит, смешиваясь с колючей позёмкой, закрывая посёлок и Колыму с прибрежными гольцами. Со всех концов по заснеженной мари, словно ручейки, мутылят фигурки людей. Они сливаются в один поток, и он стекает к реке, где берёт начало водопровод.

Вспыхивают вначале одиночные костры, через некоторое время от самой реки тянется километровая лента огня до котельной.

Люди работают в масках, обмотавшись до глаз шарфами, никого не узнавать — разве только по голосу, и то не всегда — голоса уже охрипшие.

Тягачи, тыкаясь подслеповатыми фарами, волокут сварочные аппараты, бочки с соляжкой, трубы. *Всё привезённое нарасхват.* Главный механик, прикрывшись от ветра задубенелой рукавицей, будто по секрету:

— Температура падает, вот-вот за шестьдесят перевалит.

Но начальник стройки его не слушает.

— Ты лучше вырезай участками трубы и стыкуй рядом, понял? — стараясь пересилить ветер, кричит он в ответ.

Вдоль трубопровода кишит развороченный муравейник: таскают дрова, солярку ведрами, разгребают снег, подносят куски труб. Всюду огоньки сварки. И так уже сутки — греют, режут, варят. Подвезли утеплитель.

Все хорошо понимают: целиком трубопровод отогреть — надо море солярки, тысячу возов дров. Потому и режут магистраль, куски укладывают в штабель и греют костром. А пока стыкуют трубы, привезённые со склада. Отогретые куски также пристыковывают к магистрали.

— Успеть надо закончить трассу, пока у насосной врезку сделают, успеть, друзья, успеть! — не приказывает, просит начальник стройки.

В борьбе проходят вторые сутки. Девятое января. В этот день в посёлке не осталось ни души, кроме детей. Старшие школьники тоже пришли на водовод с лопатами, ломami расчищать снег, долбить лёд. Счёт начался на минуты.

На участке, где идёт стыковка со встречной трубой, тесно — машины, люди, тягачи. Железный хребет магистрали обрастает “серым мясом” изоляции. Знобко верещат сварочные аппараты, и что-то в распадах ухает со стоном.

Прошла ещё ночь. “Линия огня” редеет. Иссякают силы, есть обмороженные. Начальник стройки то на одном, то на другом конце водовода, подбадривает, просит, уговаривает, приказывает. И опять по всей магистрали вспыхивают огни электросварки. Сварщики будто припаялись к трубам, видны только согнутые спины. Полощутся по снегу голубые сполохи.

Через некоторое время в окнах появляется свет.

Сварщики требуются на врезку к насосной. Мы стремглав туда. Начальник уже на месте.

— А как ваши дела? — спрашивает механизаторов. Они в самом горле реки. Отсвет костров выхватывает посиневший лёд. Река будто похудела, торчат обдугые ветром камни.

— Слива нет, — говорит бригадир сварщиков, словно вывернувшийся со дна реки. Лицо у него землистое. Уже четвёртые сутки механизаторы переде-

львают врезку насосов, отогревают всасывающие трубы, исковерканные морозом, долбят майну. – Разрешите вот эти заменить.

Бригадир сварщиков топает в унтах прямо по наледи. Он обводит мелом на трубе места вырезов, мел не слушается, крошится в руках. До удушья обдаёт палёным войлоком, соляркой. А тут ещё разморозилась водоприёмная задвижка, лопнула.

– Давайте, ребята, – сделав разметку, обращаюсь к сварщикам, слесарям, – нагреем задвижку – которая “живая”.

Отогреваем! Здесь, на середине Колымы, ветер нестерпимо пронизывает до костей. Если на берегу шестьдесят, то здесь с гаком...

В будке на санях жарко полыхает малиновыми боками печка. Греться бегают по очереди: двадцать минут – больше не выдержишь на морозе.

Под утро метель отяжелела, стала припадать, зазвенела серебром по застывшей наледи. Из-за тучи высунулся острый клык луны, и мороз прибавил ещё два градуса.

Ушитой из досок насосной долбят майну. Лёд уже поголубел, блеснули первый промоины. Ближе подо льдом заворочалась Колыма.

Успеем с трубами, пока продолжают лёд?

Ещё бы пару “пушечек”, – отвечают сварщики (что значит – сварочных аппаратов).

Начальник стройки даёт команду. Вскоре подтягивают ещё один сварочный аппарат, но он задыхается, не тянет на морозе. Сварщик снимает с себя брезентовую робу и закутывает мотор. Сам остаётся в телогрейке. Кабели стоят колом, ломаются. Парни осторожно, как хрустальную нить, переносят их к очередному стыку.

Змеей ползёт на гору чёрная плеть труб в посёлок, к котельной. С расцветом костры бледнеют, но солярка в бочке по-прежнему блестит антрацитом. Её берут лопатами и бросают в костёр. Подвозят и подвозят утеплитель. Его буквально расхватают.

– Спокойно, спокойно, не вали как попало!

Десятки рук обволакивают трубы. Осталось уже немного, вот последние сто метров. Ещё сильнее ветер подул, сразу потемнело. Мутная замять бьётся серыми крыльями в лучах прожекторов, ставших вдруг узкими. По цепи пронеслось: механизаторы готовы запустить насосы! Наваливаются на последние метры, и уже больше никто не уходит греться.

На косогоре, словно споткнувшись, останавливаются большегрузные самосвалы. В карьерах экскаваторы вскинули ковши, да так и остались, как с поднятыми кулаками. Мороз схватил и зацементировал смазку. Металл не выдюжил, сдал... А люди выстояли. Трубопровод ожил! В алюминиевых вагонах-общезитиях захлопали двери, люди поздравляли друг друга. Действительно, радость победы на всех одна”.

Вот что такое в те времена было русско-советской самоотверженностью, чувством долга, патриотизмом, взаимовыручкой!

Когда Кокоулин после выхода книги “Колымчане” приехал на Колымскую ГЭС и после всех официальных встреч остался в близком кругу строителей, её построивших, он у каждого спрашивал, что больше всего запомнилось от стройки, чем могли бы они гордиться. Каждый второй не сговариваясь ответил, что в жизни был случай, которым он гордится, – участие в борьбе за спасение погибающего города.

К написанию романа “Красноярский волок” Кокоулин готовился много лет, по крупницам собирая материалы о сибирских первопроходцах. При вечерних чаепитиях, которые у нас всегда бывали, если удавалось выбраться в деревню Абрамово, где большую часть своего рабочего времени проводил Леонид Леонтьевич, он делился со мною своими наметками, показывая собранные обширные материалы по освоению Сибири.

Чувство уважения к земле у него привито с детства, как у многих из нашего поколения. Свой участок земли считает своим бастионом. В начале перестройки деревню Абрамово признали неперспективной и наметили к сносу. Кокоулин организовал жителей, и они деревню отстояли и сохранили.

В свои 85 Леонид Леонтьевич по-прежнему работает на земле.

Искренне переживает, если где-то на его делянке остался необработанный клочок. Когда урожай собран, он тщательно укладывает его на зиму, в объёме, необходимом для своей семьи, а все остатки развозит по друзьям и знакомым.

И мне, бывало, возвращаясь со своего сельского подворья, завезёт по пути несколько тыкв, кабачков, всяких других овощей.

В случае необходимости оказать соседу какую-либо помощь Кокоулин безотказен. Всегда поделится последним инструментом, поможет выполнить трудную работу. В этом я многократно убеждался, когда по его приглашению начал строиться рядом с его дачным участком.

Однажды весной мне потребовалось перенести метров за 500 от места складирования до места укладки два десятка труб. Трубы асбестоцементные, каждая имеет длину метров 15 и весит килограммов по двадцать. Одному не унести. Обратился к Лёне за помощью. Лёня говорит: сейчас уже вечер, начинать надо рано утром, вдвоём мы быстро их перетаскаем. Приходи часиков в пять. Пришёл к назначенному времени. Лёня пьёт чай. Чувствуется, ещё не выспался, усталость так и проступает. Пожалел, что рано его разбудил, однако он сам время назначил и не любил, когда кто-то опаздывал. Я от чая отказался. Пошли за трубами. Смотрю, на какое плечо Лёня приспосабливается брать трубу. Готовлюсь на эту же сторону взять свою часть. Лёня говорит, да одну трубу вдвоём нести неудобно. Давай, поднатужься, возьмём каждый по трубе, скорее будет, а там и времени поменьше затратим, быстрее отдохнём.

Слежу, как тяжело поднимается на спину у Лёни труба. Но вот поднял, сбалансировал, пошёл.

Свою трубу мне, кажется, не осилить. Но нет, приподнял её край, подлез плечом под середину, побалансировал немножко и пошёл вслед за Лёней, рассуждая про себя, донесу – не донесу без остановки. Думаю, донесу, вон Лёня уже у края дренажа, ну и мне немного осталось. Однако Лёня минует край дренажа и, не останавливаясь, идёт к его концу. Стыдно останавливаться, я чертыхаюсь про себя, но упрямо тащу свою тяжёлую ношу туда, где, уже освободившись от трубы, стоит Лёня. Я подхожу, смотрю, куда сбросить трубу. Свободен только конец дренажа, надо положить последнюю трубу. Все остальные Лёня уже принёс, пока я ещё спал.

Он нередко устраивал такие розыгрыши, хотя был ранен в коленную чашечку и всякие тяжести перемещать было ему непросто. Но мог, при случае, и по-дружески ткнуть носом: “Можешь сам, не дрейфь, глаза бояться, руки делают”. Сейчас Леонид Леонтьевич заканчивает роман о сибирском первопроходце Семёне Дежнёве. Пожелаем ему успеха. С юбилеем тебя, наш друг, академик, заслуженный экономист России!